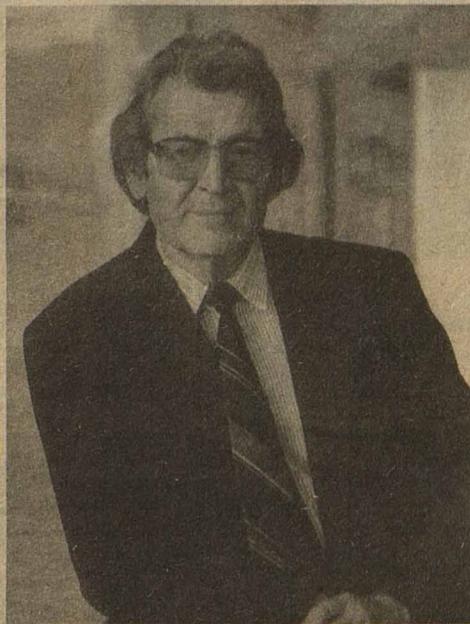

Когда пишут о дирижере Большого театра Фуате Мансурове, то, как правило, льют слезы умиления: музыкант, играющий на всех основных инструментах симфонического оркестра, да еще и спортсмен, владеет семью языками! Дальше — больше: «закончил физико-математический факультет», «учился живописи». И все это расцветается романтическим антуражем: жасминовый дворик в довоенной Алма-Ате, патефон и совсем немзыкальная семья. Судьба, зашифрованная, как в кроссворде...

Мы разговариваем на улице, и я ловлю на моем собеседнике заинтересованные взгляды проходящих мимо женщин. Мансуров выделяется в любой толпе — восточная изысканность сочетается в нем с европейским шармом.

Мансуров дирижирует в Большом, куда его пригласили в конце шестидесятых, после того как он получил одно из первых мест на Всесоюзном конкурсе дирижеров. Кроме того преподает в консерваториях Казани и Алма-Аты (до этого 15 лет — в Московской консерватории), руководит симфоническим оркестром Татарстана, ставит спектакли за границей.

Любитель недорешенных кроссвордов

— Почему вы так много работаете? Вам нравится сам процесс, вы хотите зарабатывать много денег?

— Несколько лет назад, когда я потерял сына, меня спасла работа, я хватался за любое предложение, метался из города в город. Иногда это были далеко не перворядные театры, и мне приходилось, говоря образно, «заколачивать гвозди микроскопом».

— Что вы дирижировали в Большом в этом сезоне?

— «Анюту», «Севильского цирюльника», «Каменного гостя».

— Что самое важное в профессии дирижера?

— Один из моих учителей говорил: «Быть готовым к самым экстремальным ситуа-

циям». Музыканты должны видеть перед собой определенную художественную задачу, в этом случае даже десятикратные повторы не убавят энтузиазма. Если нет этой четкой задачи, даже дважды бессмысленно повторенное может вызвать у артистов оркестра крайне негативную реакцию. Другая грань нашей профессии — это дар предвидения, здесь мы сродни политикам, но в нашей профессии возникают более тонкие ситуации. И наконец дирижер должен слышать стерильно.

— А что слышит дирижер?

— Он слышит то, что знает. В «Норме», например, я знаю содержание каждой фразы, каждый изгиб мелодии.

Опера Беллини «Норма» —

последняя театральная премьера Мансурова, она состоялась в конце апреля в Загребе. «Норма» была в норме, простите за каламбур, потому что в апреле в Загребе не стреляли. Осенью прошлого года, когда Мансуров ставил там «Богему», репетиции почти каждые три часа прерывались воем сирены. На премьере часть кресел пустовала, в зал попали в основном работники радио и телевидения. Его опасно было наполнять публикой — в случае обстрела укрытие не смогло бы всех вместить.

Несколько лет назад Мансуров поставил в Загребе «Спящую красавицу», в Любляне — «Лебединое озеро», его пригласили работать в эти театры, потом прибавились Загребский симфонический

оркестр. То же произошло и в Хельсинки, где он поставил «Щелкунчика», а также оперы «Ван Гог» и «Евгений Онегин».

Когда человек так много работает за границей, понятно. Но почему Мансуров приезжает, скажем, в Казань, — объяснить труднее. Он живет там в гостинице в номере с тараканами, репетирует с оркестром, не имеющим собственного помещения, дает концерты в малопригодном для музицирования зале.

— Вы верующий человек, Фуат Шакирович?

— Отчасти. Скорее — суеверный. Собственно религия меня мало интересует, хотя во всех городах, где бываю, захожу в храмы. Я считаю своей религией музыку.

— Каковы ваши политические воззрения?

— Я убежденный антикоммунист.

— Давно?

— С 1938 года, когда репрессировали моего отца.

— Чем он занимался?

— Он был бухгалтером. А мама работала костюмером в оперном театре, и это было счастьем, потому что я рос за кулисами. В три с половиной года состоялся мой дебют в опере «Чио-Чио-сан», потом меня тоже занимали в спектаклях. У мамы не было образования, и мы, дети, помогали ей составлять отчеты во время инвентаризации. Но она была необыкновенным человеком, и когда я перечитываю купринскую «Олесю», я узнаю маму.

— Правда, что родители не хотели учить вас музыке?

— Отец был против, меня отвела в музыкальную школу соседка.

Одно из самых ярких воспоминаний Мансурова о музыкальной школе: педагог-виолончелист, который за неярливую игру мог прижечь ученику пальцы сигаретой.

— Как складываются ваши отношения с музыкантами?

— По-разному. Наше общение неизбежно сопряжено с твердостью, требовательностью, а иногда и жесткостью. Не все люди способны на это положительно реагировать. Но, к счастью, истинных музыкантов гораздо больше. Если музыка по-настоящему захватывает человека, он остается верен ей всю жизнь.

— Вас не смущает, что в некоторых провинциальных городах недостаточная высокая слушательская культура?

— Нет. Просто в отличие от представителей массовой культуры мы должны сами готовить себе публику. В Алма-Ате я в свое время начинал с нуля: там не было симфонического оркестра, не было традиции ходить на симфонические концерты. Через много лет то же я испытал и в Иванове. На одном из первых наших выступлений в огромном зале было 38 человек, я даже цифру помню. Но уже через два года мы закрывали сезон при аншлаге.

— Как вы считаете, у вас есть недостатки?

— Конечно. Иногда я бываю до колкости ироничен, и это не всем нравится. В людях я ценю чувство юмора, считаю его одной из граней большого ума.

— Чем вы любите заниматься в свободное время?

— Читать письма Чехова. И решать кроссворды, которые не сумели разгадать другие.

Беседовала
Татьяна МАМАЕВА.
Фото Михаила
КОЗЛОВСКОГО.